

«Я готов подстригать вашу лужайку целую неделю две недели подряд... Но только не на этой неделе...»

«Симпсоны»

Сначала Игра заменила мне реальность. А потом и сама реальность стала игрой...

Жизнь не удалась. К тридцати с лишним годам я обзавелся женой, нерегулярными подработками на фрилансе, хорошим мощным компьютером, рогой 110-го уровня в популярной онлайн-игре и пивным брюшком. А еще я писал книги. То есть, книгу. Не дописал.

Раньше мне льстило, когда меня называли писателем, но с возрастом пришла горькая правда — я не писатель. А называют меня так лишь потому, что другим социальным статусом я не обзавелся.

Так кто же я? Бывший менеджер по продажам десятка компаний с задатками пиарщика? Сегодня каждый второй в сети может назвать себя блогером, интернет-маркетологом или пиарщиком. Да и продажник из меня не вышел. Мне надо верить в то, что я продаю, а как в это верить, если точно знаешь, что впариваешь клиенту ненужное ему дерьмо?

Я продавал спутниковое ТВ дачникам, чьи огороды кормили их семьи весь год; продавал сверхмощные пылесосы впечатлительным пенсионерам; фильтры питьевой воды тем, чей основной рацион составляла лапша быстрого приготовления; веб-сайты начинающим предпринимателям, которые делали первые шаги в бизнесе на деньги, взятые в кредит под залог единственной квартиры. Я продавал интернет-рекламу, туристические путевки, препараты для похудения и таблетки для очищения организма от паразитов.

Продавал плохо и нигде долго не задерживался. В свободное, да и в рабочее, время я вел блог и писал небольшие рассказы на потеху своей немногочисленной публике. Это дало мне основание полагать, что я — хороший интернет-маркетолог.

Я даже нашел работу в этом направлении, но первая же очная ставка с директором, запросившим данные по конверсии, среднему чеку, отказам, проценту вовлеченности, LTV и прочему цифровому срезу показателей интернет-магазина компании обнаружили мою некомпетентность. Быть интернет-маркетологом оказалось не просто вести блог компании, собирая лайки и комментарии, а много большее. Испытательный срок? Мне даже не дали его доработать.

Оскорбленный и возмущенный, я решил погрузиться в профессию и всему научиться. Накачал кучу курсов, учебников, видеоуроков, записался на несколько вебинаров.

Меня хватило на неделю, причем первые дней пять я просто радовался тому, какой я молодец, что скоро все изучу, вникну, стану крутым спецом, и меня на рынке оценят так высоко, что карьера пойдет в гору, а там — машина, квартира, отпуск у моря и прочие прелести жизни обеспеченного человека. Радовался, но начало обучения откладывал, пока эйфория от мнимых будущих успехов не закончилась, и я не оказался там, где и был. А когда все-таки титаническим усилием воли заставил себя сесть и начать обучение, вдруг загрустил, приуныл, а на второй день понял, что не мое.

Следующий год перебивался случайными заработками — что-то от рекламы в блоге, что-то с биржи фриланса. Моя жена Яна все еще верила в меня и мой потенциал, но уже как-то слабенько. Её молодость уходила — она младше меня почти на восемь лет, а когда подружки в который раз обсуждают, кто и куда в отпуск, где лучше шопинг, а где — пляжный отдых, а ты в

лучшем случае сходишь с мужем в кино на предпоказ для блогеров, меркнет любая вера в кого бы то ни было.

Хотя вот Маркес, который Габриэль Гарсия, много лет сидел на шее жены с целым выводком; технически, только сношался, жрал и писал «Сто лет одиночества», и ничего, не выветрилась, не исчезла вера жены в своего мужа.

С Яной иначе. Она и моложе, и детьми мы так и не обзавелись, а потому все чаще в ее словах мелькали сарказм и ирония, когда речь заходила о моей будущей книге.

Вообще, с каждым месяцем я словно терял ее уважение — понемногу, капля за каплей. Это проявлялось в мелочах, которые я поначалу не замечал...

А с моей книгой вышло так. В какой-то момент я вдруг осознал, что мне скоро тридцать, за спиной никаких особых достижений и, собственно, жизнь уже на пике, и скоро пора с ярмарки. Хорошо помню этот момент — после какой-то адовой гулянки я проснулся и решил написать нетленку. Думал, это будет легко, тем более, такому таланту, как я.

Это оказалось непросто. То ли переоценил отмеренную мне долю таланта, то ли его у меня отродясь не было, но мозги скрипели, нехотя выдавая строку за строкой, а потом руки удаляли все написанное. Первую страницу писал три месяца, при этом докладывая в блоге, как у меня замечательно идет работа над книгой, и что дошел уже до двенадцатой главы. Знакомые просили дать почитать, но, уверен, даже если бы мне было что дать, и я дал, они бы не прочли. Но показывать мне было нечего, и я отговаривался тем, что не хочу выкладывать недописанное.

Помню, как я, наконец, закончил третью главу и, не сдержавшись — захотелось дозы лайков, комментариев и оценок — выложил все в сеть. Перед этим я просил почитать Яну, но она отказалась:

— Не, Панфилов, ты уж допиши книгу, а я все целиком прочту. Не люблю читать и смотреть незаконченные вещи.

Много позже она всё-таки прочла то, что было готово. Видимо, уже не верила, что я вообще допишу книгу.

Я выложил написанное не у себя в блоге, а на популярном литературном портале под псевдонимом. Спать в ту ночь ложился как в детстве перед рыбалкой с отцом, в предвкушении радости, грядущего успеха и счастья. Так и представлял себе, как просыпаюсь утром, неспешно принимаю душ, чищу зубы, бреюсь, завариваю чашку крепчайшего кофе, закурываю и открываю страницу с первой главой — а там восхищенные комментарии читателей и требования скорее выложить продолжение.

Проснувшись к обеду, даже не почистив зубы, кинулся к компу.

Два прочтения. Ноль лайков. И один комментарий: «Не смог дочитать. Автор, больше не пиши!».

Признаюсь, именно назло этому комментатору решил, что писать буду! Скурив полпачки сигарет, я тут же сел за продолжение.

Не писалось. Ни в тот день, ни на следующий, ни вообще я больше не написал ни одной новой строчки. Писать мешало не только отсутствие мыслей, но и то, что я не умел сосредоточиться.

Меня постоянно отвлекали уведомления из социальных сетей, чатов, кошка Вася (об этом позже), Яна, мухи, сквозняк, закипевший чайник, закончившийся в кружке кофе, интересные посты и статьи, желание поспать, новая серия любимого сериала, желание поесть, перекуры, неудобный стул, который я сменил на неудобное кресло с распродажи... Писать мешало все, но больше всего мешала Игра.

Именно так, с большой буквы. Игра заменила мне реальность. Именно в ней я познакомился с Яной, там добился наибольших жизненных успехов (ха-ха, это не шутка, я действительно так считаю). Наш клан одно время был вторым на сервере в рейтинге, попасть к нам хотели многие, но мы брали не всех. Далеко не всех.

Я, как заместитель главы клана, отвечал за многие внутриклановые процессы, что отнимало много времени. Различные услуги, которые мы предоставляли богатеньким игрокам, приносили определенный доход, как самому клану, так и его руководству, но в реальных деньгах это выражалось в таких суммах, что озвучивать цифры мне стыдно.

Всю прошлую ночь мы «осваивали» новый контент, что выражалось в бесконечных попытках завалить очередного нового босса, наших смертях, вайпах, новых попытках, ругани на канале, накапливающейся усталости и утере концентрации. Мы вайпались раз за разом, и прогресса было не видно, но все уперлись и делали все новые и новые попытки. Безуспешно.

Для многих из нас реальной жизнью давно стала жизнь игровая. Мы, как настоящие хардкорные игроки-задроты, именно в игре жили, общались, социализировались, добивались целей. В игре все твои действия оцифрованы в обоих смыслах, и любое действие или бездействие поощряется вполне ощутимым опытом, золотом, очками достижений, репутации или наградой за закрытый квест. Это делает твои отношения с игровым миром честными и понятными. Наверное, поэтому я стал целеустремленным в игре, не в жизни.

И именно поэтому нам было важно пройти рейдовый инст именно в эту ночь, пока нас не опередили другие кланы.

Не прошли...

В реальном мире уже рассвело, когда мы завершили рейд и разошлись. Я на короткое время уснул с недопитой бутылкой пива в руке, но был разбужен вставшей Яной.

Один мой друг заметил, как «совы» очень корректно, заботливо и бережно относятся к «жаворонкам», когда те рано засыпают: «Тише-тише, люди... человек же спит. Давайте одеялком укроем». И как откровенно по-хамски ведут себя «жаворонки» по отношению к «совам», мирно спящим до полудня! Яна — не исключение.

— Панфилов, просыпайся! Иди завтракать! Опять всю ночь играл?

Она включает телевизор, распахивает окна и перемещается на кухню громыхать сковородой. Оттуда слышится ее голос:

— Панфилов, твою мать! Я на работу опаздываю! Вставай!

Совместный завтрак — наша нерушимая традиция, заложенная во времена совместных бессонных ночей — то в постели, то в игре. Потом Янка окончила институт, получила диплом, нашла работу, и наши режимы дня стали несовместимы. Но завтракали мы всегда вместе.

Чрезмерно бодрый закадровый голос из рекламы стирального порошка разум воспринимает

как безусловную помеху, которую надо срочно устранить, пока она не расплавила мозг. Я, не открывая глаз, на ощупь нахожу пульт и снижаю громкость.

Потом добираюсь до ванной, включаю воду, обжигаюсь, чертыхаюсь, просыпаюсь, добавляю холодной, умываюсь и чищу зубы. Из зеркала на меня недобро и исподлобья смотрит двадцать четвертая реинкарнация помеси гоблина и орка.

— Все-таки стоит побриться, — думаю я. — Как-нибудь. На днях...

Мы молча завтракаем, сидя напротив друг друга за маленьким обеденным столиком у стены. Я вяло пережевываю омлет, а Янка — пьет кофе, одновременно рассматривая себя в зеркальце и красясь.

Вспоминаю, как с ней познакомился. Случилось это в Игре, когда я, скучая в ожидании рейда, летал на своем огненном фениксе по Калимдору и увидел в локальном чате крик о помощи от жрицы невысокого уровня с ником «Хильяна». Маленькую жрицу обижал плохой ордынский ганкер. Пришлось вмешаться и выручить, после чего она внесла меня в список друзей. Следующие пару месяцев я помогал ей с прокачкой персонажа, мы стали общаться в голосовом чате, пока не выяснили, что живем в одном городе. Я пригласил ее в наш клан, и на очередной клановой попойке мы познакомились в реале...

— Тебе что, нравятся блондинки? — нарушает тишину Яна.

Я мешкаю с ответом. Блондинки мне нравятся. Но так же мне нравятся брюнетки, шатенки и рыжие. В студенчестве я был влюблен в девушку с синими волосами, и когда она обрилась наголо, любил ее не меньше.

Родной цвет волос Яны — каштановый, но в данный момент она жгучая брюнетка.

— Мне не важен цвет волос. И не важно, кто мне нравится! Последние... э-э... четыре года я люблю только тебя.

Сам понимаю, насколько неестественно это прозвучало. Яна недоверчиво хмыкает:

— Ну да, как же. А в книге ты пишешь о блондинке. Хорошо хоть помнишь, сколько мы вместе!

Я давлюсь только что откушенным куском бутерброда с сыром и колбасой. Действительно, в книге главный герой влюбляется в блондинку. Но то главный герой, а тут — я. Откашлявшись, прожевав и проглотив, отвечаю:

— Это не я так считаю. Это главный герой.

— Гер-р-рой — штаны с дырой, — тянет она.

Недокрашенный глаз придает ей черты Двуликого, бывшего окружного прокурора Готэм-сити. С ее носка слетает тапок — нервничая, она всегда раскачивает ногу.

— Герой книги, ты же понимаешь? Просто я пишу от первого лица, мне так удобнее.

— Врешь ты все, Панфилов. Я тебя насквозь вижу, вон уже краснеешь, и рука дрожит.

Рука дрожит не поэтому, это тремор с похмелья, но она права. Вру.

— Ладно, пейзаель, — она намеренно искажает слово, — мне пора на работу.

Обдаёт меня приторно-возбуждающим шлейфом духов, чмокает в губы и уходит.

Хлопает дверь.

Я смотрю на бутерброд в руке. Есть совершенно не хочется. Хочется спать.

Кладу голову на руки и осматриваю нашу кухоньку съёмной «двушки», в которой воцарился дух уныния и нищеты. Над раковиной обвалилась плитка, из крана с убийственной монотонностью капает, сломанная дверца духовки всегда открыта. Плита в бурых разводах, а рыжевато-серый от табачного дыма потолок нависает так депрессивно, что хочется прямо сейчас выйти через комнату на балкон, сесть на его рассохшиеся деревянные перила, свесить ноги на улицу, поболтать ими и спрыгнуть вниз...

Встаю. Оставив грязную посуду на столе, выхожу из кухни и иду на балкон. Яркий солнечный свет бьёт по глазам. Щурюсь, потягиваюсь, прогоняя ломоту из одеревеневшего тела, и лезу в карман за пачкой сигарет.

Пачка пуста. Горестно матерюсь и вздыхаю. Уже не хочется ничего. Пост-абстинентный синдром в классическом проявлении. Я переваливаюсь через перила балкона и с восьмого этажа смотрю вниз на двор. В жидко-стальной луже быстро проплывают облачка, а её поверхность манит. На мгновение в разрыве между пробегающими облаками мелькает луч солнца.

Слепну, но словно получаю заряд.

В глазах плывет. Зрение сбоит, передо мной мелькают мушки в виде каких-то знаков, символов и цифр. Присаживаюсь на старую раздолбанную шатающуюся табуретку и протираю глаза.

Проморгавшись, решаю выйти на улицу и пройти до магазина, чтобы купить сигарет, кофе и, вернувшись, засесть за книгу, которую никак не закончу.

Почему-то мне кажется, что стоит ее дописать, так сразу все у меня наладится.

Просто надо закончить книгу.

<http://tl.rulate.ru/book/12360/237899>